

Проекты российских воинских мемориалов Первой мировой войны в Королевстве СХС / Королевстве Югославия: идеи, символика, реализация

Статья посвящена анализу деятельности русской эмиграции по увековечиванию памяти погибших во время Первой мировой войны солдат российской императорской армии в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия, в частности установкой памятников. Их возведение было связано с плохим состоянием могил умерших и погибших российских солдат и военнопленных, которых во время войны хоронили на военных участках, составлявших часть православных городских кладбищ, или на местах их гибели, а также с желанием достойно отметить места погребения российских воинов. Инициаторами и исполнителями этих мемориальных акций являлись русские беженцы, которые начали прибывать в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) с 1919 г. Почти сразу после приезда в Королевство СХС русские изгнанники стали организовывать акции, целью которых являлись приведение в порядок могил и установка памятников русским. В этих акциях, которые проводились на протяжении всего межвоенного периода, приняли участие и русские архитекторы, разработавшие проекты памятников. Эти мемориалы установили в нескольких городах страны, в том числе в столице. Ключевые слова: *памятник, мемориал, проект, русская эмиграция, памятник Русской славы, Королевство СХС, Королевство Югославия.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.12

Российская помощь Сербии в годы Первой мировой войны была разнообразной — от политической, военной, военно-экономической до медико-санитарной и гуманитарной¹. Так, передовая часть рус-

¹ Подробнее о российской помощи Сербии в годы Первой мировой войны: *Поповић Н. Б.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914–1918). Београд, 1977; *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. Београд,

ского морского отряда, вооруженная торпедами и минами, начала расставлять мины на Дунае недалеко от Белграда уже 25 августа 1914 г. — менее чем через месяц после начала военных действий против Сербии. И именно действия русских инженеров, минеров, моряков и артиллеристов, оказавших австро-венгерским войскам достойное сопротивление, имели особое значение для сербской армии. Несомненный и существенный вклад внесли как русские батареи, так и отряды минеров, которые участвовали и в обороне Белграда в октябре 1915 г., когда объединенные силы Германии, Австро-Венгрии и Болгарии напали на Сербию, а также 2-я и 4-я особые русские пехотные бригады на Салоникском фронте². Многие из этих российских воинов похоронены в Сербии и Греции.

На территории сегодняшних Сербии, Боснии и Герцеговины, Словении, Хорватии были похоронены и другие российские солдаты — те, кто попал в плен³ на русско-австрийском фронте⁴. В российской армии потери пленными с августа 1914 по 31 декабря 1917 г. составили

1994; *Шевцова Г. И.* Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917. Београд, 2010; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Зборник грађе. Београд, 2014; *Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г.* Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. М., 2016.

2 *Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г.* Битва двуглавых орлов. С. 30–32, 43. Подробнее о русской помощи Сербии на Салоникском фронте: *Писарев Ю. А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 109–138; *Живојиновић Д. Р.* Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд, 2008; *Болтаевский А. А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Зборник грађе. Београд, 2014.

3 *Арсењев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ... С. 50.

4 О положении русских военнопленных в годы Первой мировой войны: *Сергеев Е. Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78; *Симонова Т.* Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны // Журнал Московской патриархии. 2006. № 5. С. 72–89; *Сенявская Е. С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 1. С. 64–83.

более 3,4 миллионов человек, т. е. 74,9% всех боевых потерь. Из них 56,9% содержались на территории Австро-Венгрии⁵. Российских воинов, попавших в австрийский плен, правительство и командование двуединой монархии распределяли по поселениям на территориях Австро-Венгрии, по окончании войны ставших частью Королевства сербов, хорватов и словенцев, — в Банате, Среме, Бачке, Словении, Славонии. Их размещали в лагерях, казармах, бараках, условия содержания в которых были очень суровыми, а также привлекали к тяжелым физическим работам. Они умирали от голода, ран, болезней, изнеможения, изнурительного труда⁶. Также они работали на строительстве дорог и стратегически важных объектов⁷.

Во время войны умерших и погибших российских солдат и военнопленных хоронили на военных участках, составлявших часть городских кладбищ, или на местах их гибели. В основном места захоронения военнопленных отмечали деревянными крестами или металлическими знаками. Такие участки выделялись в городах на севере Сербии, в Воеводине — в г. Нови-Сад, Вршац, Велики-Бечкерек (нынешний Зренянин), Велика-Кикинда, Сомбор, Панчево, Сента, Бела-Црква. На периферии кладбища в г. Бела-Црква установили кресты из металлического прута⁸.

Однако со временем состояние этих участков и могил постепенно ухудшалось. Об этом свидетельствуют слова одного русского, зафиксированные им в воспоминаниях в межвоенный период: «Во всех краях Воеводины на православных кладбищах есть забытые уголки, в которые никто не заедет, и ничья заботливая рука не касается любовно всеми забытых и никому не нужных могил. Тут похоронены русские военнопленные»⁹. Именно плохое состояние этих могил, а также желание достойно отметить места погребения российских воинов стали катализаторами акции русских беженцев, которые начали

5 *Сенявская Е. С.* Положение русских военнопленных... С. 65.

6 *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ... С. 50; *Арсењев А.* Самовари у равници; *Арсењев А.* Руси у Бачкој // Бачка кроз векове: Слојеви културе Бачке. Зборник радова. Београд, 2014. С. 717–751; *Арсењев А.* Руси у Банату // Банат кроз векове. Слојеви културе Баната: Зборник радова. Београд, 2010. С. 663–712.

7 *Познановић Р.* Пругом преко Шаргана. Ужице, 2006.

8 *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ... С. 286–290; *Арсењев А.* Самовари у равници.

9 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 462. Л. 135.

прибывать в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) с 1919 г.¹⁰

Почти сразу после приезда в Королевство СХС русские изгнанники стали организовывать акции, целью которых являлись приведение в порядок могил и установка памятников соотечественникам. В этих акциях, которые проводились на протяжении всего межвоенного периода, приняли участие и русские архитекторы, разработавшие проекты памятников¹¹.

Из-за того, что беженцы располагали небольшими денежными средствами, в Королевстве СХС / Королевстве Югославия в основном устанавливались памятники скромного вида. По разработанным проектам можно определить, какие формы были самыми распространенными. Одной из них была колонна. Такого вида памятник был возведен в г. Сента на севере Сербии. В память о русских воинах была построена четырехметровая каменная колонна, сверху украшенная шестиконечным крестом. На ней была сделана надпись: «Братьям русским, здесь почивающим. 1914–1924 гг.» Установлением этого памятника местная русская колония благополучно завершила акцию по увековечиванию памяти похороненных на местном кладбище нескольких десятков русских, попавших в плен. Поскольку со временем их деревянные кресты сгнили и рухнули, могильные холмики заросли

10 О русской эмиграции в Югославии см.: Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. 1–2; *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006; *Арсенјев А.* Руси у Банату. С. 663–712; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011; *Арсенјев А.* Самовари у равници.

11 В Югославии с 1919 по 1941 гг. работало не менее 150 архитекторов (*Миленковић Т.* Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997. С. 112, 175–215). В 1921 г. в Министерство строительства в Белграде было принято 90 русских инженеров и архитекторов, распределенных по всем отделениям (*Кадичевић А.* Допринос руских неимара-емиграната српској архитектури између два светска рата // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994. С. 246–247). Также архитектурные отделения технических факультетов в Белграде и Загребе закончили около 130 русских студентов (*Арсенјев А. Б.* Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шртерер // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. Сборник докладов международной научной конференции. СПб., 2008. С. 349).

деревьями и бурьяном, в начале 1920-х гг. русские начали работу по созданию памятника, разработав его проект вместе с мастерами¹².

Очень распространены были и памятники в форме креста. В 1929 г. было установлено два таких памятника, одинаковых по виду. Их возведение было связано с деятельностью организации «Русская матица»¹³. По инициативе этого культурно-национального общества в 1929 г. в Нови-Саде и в Петроварадине были открыты два памятника русским военнопленным. Их установка являлась результатом исследования, проведенного в 1928 г. председателем новисадского отделения этого общества Дмитрием Васильевичем Скрынченко, который начал собирать сведения об умерших в г. Нови-Сад и его окрестностях русских военнопленных¹⁴. Торжественное открытие памятника 66 российским военнопленным, погибшим во время Первой мировой войны, состоялось 7 июля на городском Успенском кладбище, на могиле¹⁵ российских воинов¹⁶. Несколько месяцев спустя на военном кладбище в Петроварадине (недалеко от г. Нови-Сад, на сегодняшний день — община города) «Русской матицей» был установлен памятник в честь 96 русских солдат, умерших в 1915–1918 гг.¹⁷ Его освятил митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), председатель Архиерейского синода Русской православной церкви за границей¹⁸. Автором

12 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 462. Л. 135.

13 Русская матица — культурно-национальное общество, созданное в 1924 г. в Любляне с целью поддержания и развития национального сознания среди русских людей; содействия народному просвещению; объединения русских людей на почве национально-культурной работы. Ее отделения основаны в разных городах Югославии, в том числе в Нови-Саде. См.: Русская матица (1924–1934): Отчет о деятельности. Любляна, 1935; *Билимович А. Д.* Русская матица. Любляна, 1924.

14 Царский вестник. 1929. 21 июля. С. 2.

15 Царский вестник. 1929. 14 июля. С. 2.

16 *Арсеньев А.* Самовари у равнины.

17 Там же.

18 О Русской православной церкви за границей и расколе см.: *Jovanović M.* «Sveštenik i društvo: eto parole» — Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940 // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. S. 67–100; *Jovanović M.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). С. 316–325; *Јовановић М.* Руска православна загранична црква у Југославији током двадесетих и тридесетих година 20. века // Српска теологија у двадесетом веку — истраживачки проблеми и резултати: Зборник радова научног скупа. Београд, 2008. С. 160–178; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат... С. 92–106.

памятников был русский архитектор Юрий Николаевич Шретер¹⁹. Они представляли собой мемориальные восьмиконечные кресты из камня, находящиеся на пьедестале, на который были поставлены артиллерийские снаряды²⁰.

В стране строились и памятники в виде пирамиды. В 1923 г. в г. Зеница в Боснии, на местном кладбище, где было похоронено 53 русских военных, на средства русской колонии и ее стараниями был воздвигнут двухметровый памятник русским воинам в форме бетонной пирамиды, сверху увенчанной крестом. На нем была надпись: «За веру, царя и отечество жизнь свою положившим. Вечная память 1914–1915»²¹.

Примечателен вид памятника, находящегося в г. Горажде в Боснии. В честь русских военнопленных, которых расстреляли австрийцы во время Великой войны в г. Меджеджа (Босния), потому что они отказались грузить снаряды, посылаемые на фронт, в 1934 г.²² Донским кадетским корпусом²³ был сооружен памятник — богатырский шлем на каменном постаменте. Их останки были временно погребены в том же месте во дворе одного мусульманина, который охранял их могилу. Потом их торжественно перенесли на кладбище в г. Горажде²⁴. На памятнике была надпись: «Унтер-офицер и трое рядовых Российской армии, расстрелянные врагами за любовь к Родине и верность долгу. Взятые в плен австрийцами в мировую войну и вынужденные грузить снаряды на станции Меджеджа, они отказались выполнить работу на пользу неприятеля и предпочли смерть. Имена им Ты, Господи, веши...»²⁵

Особый интерес представляет памятник в долине семи Триглавских озер, в Словении. Его установили по инициативе редактора выходившей в Любляне газеты «Словенский народ» в 1923 г. недалеко

19 О Юрии Николаевиче Шретере см.: *Арсеньев А. Б.* Петербургские архитекторы. С. 348–365.

20 *Арсеньев А.* Самовари у равнины.

21 Новое время. 1923. 26 октября. С. 3.

22 Русский голос. 1934. 2 сентября. С. 5.

23 О Донском кадетском корпусе см.: Кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945. Нью-Йорк, 1970. С. 177–320; Верны заветам старины: Воспоминания кадет Донского корпуса / ред. М. К. Бугураев. Madrid, 1974; *Гурковский В. А.* Российские кадетские корпуса за рубежом. М., 2009. С. 107–153.

24 Часовой. 1939. 5 июня. С. 31.

25 Там же.

от Дома туристов, у могилы с крестом. Он был посвящен «Русским мученикам — здесь расстрелянным». В 1915 г. австрийцы, захватив двух русских военных, заставили их выкопать себе могилы и на том же месте, на Триглавских озерах, вблизи итальянской границы, затем расстреляли²⁶. Памятник был изготовлен из камня. В нише находилась плита с вышеупомянутой надписью²⁷.

В тот же самый период — после окончания Великой войны — в большинстве европейских стран, в том числе Королевстве СХС, сформировался культ «неизвестного солдата», символом которого стал памятник / могила неизвестного солдата²⁸. Это явление, нацеленное на увековечение памяти погибших воинов, возникло и в среде русской эмиграции в Королевстве СХС, почти сразу после воздвижения памятника неизвестному сербскому солдату на горе Авала, недалеко от Белграда²⁹. Идея сооружения памятника «неизвестному русскому солдату» принадлежала³⁰ Георгиевскому кавалеру, генералу Александру Павловичу Кутепову, активному участнику Белого движения, замысел этот родился у него во время восхождения на гору Авала. На этой горе во рву была обнаружена могила российских воинов. Эта за-

26 Новое время. 1923. 6 сентября. С. 3.

27 *Mihelič M.* Ruski grob pri Triglavskih jezerih ter z njim povezani dogodki, razmišljanja in občutja // *Vojni ujetniki carske Rusije v prvi svetovni vojni na slovenskem ozemlju*. Ljubljana, 2018. S. 57–100.

28 О культе неизвестного солдата в Европе в межвоенный период см.: *Mosse G.* National Cemeteries and National Revival: The cult of the Fallen Soldiers in Germany // *Journal of Contemporary History*. 1979. № 1. P. 1–20; *Mosse G.* *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford, 1990; *Winter J.* *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, 1995.

29 О памятнике неизвестному герою на горе Авала: *Manojlović Pintar O.* Ideološko i političko u spomeničkoj arhitekturi Prvog i Drugog svetskog rata na tlu Srbije: doktorska disertacija. Beograd, 2005. S. 140–145; *Ignjatović A.* Od istorijskog sećanja do zamišljanja nacionalne tradicije: spomenik neznanom junaku na Avali (1934–1938) // *Istorija i sećanje: Studije istorijske svesti*. Beograd, 2006. S. 229–252.

30 Идея сооружения памятника «неизвестному русскому солдату» распространилась и в некоторых других странах Европы. Например, в середине 1930-х гг. она появилась в Праге. См.: *Cohen A. J.* ‘Our Russian Passport’: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39 // *Journal of Contemporary History*. 2014. № 4. P. 636; *Возрождение*. 1934. 13 августа. С. 2.

бытая могила была в запустении и почти сровнялась с землей. Чтобы привести ее в порядок и хоть как-то отметить место их упокоения, во второй половине 1923 г. русские офицеры артиллерийского кубанского дивизиона и казаки приступили к действию — они навалили на могилу груды камней и поставили скромный крест. Как удалось выяснить из разговора с русскими офицерами, на Авале были погребены российские инструкторы-артиллеристы, отправленные на помощь сербской армии. Достоверность этого предположения была подтверждена обнаруженными пуговицами от русских артиллерийских мундиров и целым рядом других вещей, принадлежавших убитым. Тогда Кутепов принял решение об установке на вершине Авалы, рядом с сербским памятником, хотя бы скромного памятника русским солдатам³¹. Вскоре приступили к реализации этой идеи.

По поручению Общества галлиполийцев³² в середине октября 1923 г. Обществом русских архитекторов в Королевстве СХС был объявлен конкурс проектов памятника³³. В условиях конкурса была определена цель инициаторов установления памятника — «отметить и сохранить для потомства место погребения нескольких российских воинов (фамилии неизвестные), убитых во время Великой войны в составе сербской армии на горе Авала»³⁴. Это было первым пунктом. Вторым предусматривались источники финансирования памятника. Было принято решение открыть через выходившую в Белграде русскую газету «Новое время»³⁵ сбор пожертвований, в результате которого предполагалось собрать 8000 динаров (инициаторы рассчитывали, что именно столько и будет стоить памятник). Ввиду того, что организаторы не рассчитывали на большую сумму, конкурсом предусматривалась постройка монумента из серого камня, «без значительного применения ценных материалов»³⁶. Место для памятника было также точно определено — «на гребне старинного вала, окружающего

31 Новое время. 1923. 13 сентября. С. 3.

32 Общество галлиполийцев — русская воинская организация, созданная в ноябре 1921 года чинами 1-го армейского корпуса Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Галлиполи.

33 Вестник Общества галлиполийцев. 1923. 31 декабря. С. 15.

34 Новое время. 1923. 16 октября. С. 3.

35 Впоследствии был открыт прием пожертвований через выходившую в Софии русскую газету «Русь». См.: Вестник Общества галлиполийцев. 1923. 31 декабря. С. 15.

36 Новое время. 1923. 16 октября. С. 3.

развалины замка, венчающие вершину горы Авала»³⁷. К этому месту с шоссе поднималась крутая дорожка, и памятник предполагалось установить «на фоне развалин, возвышающихся над гребнем вала почти на 10 метров»³⁸. Также, согласно условию конкурса, каждый проект должен был содержать крест, поскольку памятник сооружался на месте упокоения. Проекты следовало представить секретарю Общества русских архитекторов, Мишковскому, не позднее 30-го октября того же года, т. е. в течение двух недель после объявления конкурса. Представленные на конкурс проекты рассматривались комиссией судей, состоявшей из двух представителей Общества русских архитекторов и одного представителя Общества галлиполийцев. В конкурсе могли принять участие как русские, так и подданные Королевства СХС. Представителем правления Общества русских архитекторов являлся архитектор В. В. Сташевский³⁹, представителем правления Общества галлиполийцев — генерал-майор Баумгартен⁴⁰.

Спустя две недели после окончания конкурса его результаты были опубликованы в газете «Новое время». На конкурс было подано 11 проектов (до опубликования результатов они были представлены на выставке на обозрение публики⁴¹). Первая премия конкурса, по единогласному постановлению жюри, утвержденному затем общим собранием Общества русских архитекторов, была присуждена проекту «Плеяды», вторая — эскизу «Крест с диагональными лучами», изображающему группу из четырех колонн на общем пьедестале, на-

37 Там же.

38 Там же.

39 По проекту Валерия Владимировича Сташевского была построена русская церковь св. Троицы в Белграде и Иверская часовня. О В. В. Сташевском см.: *Ђурђевић М.* Прилог проучавању делатности архитекте Валерија Владимировича Сташевског у Београду // *Годишњак града Београда*. 1998–1999. № 45–46. С. 151–171; *Латинчић О.* Валериј Владимирович Сташевски (1882–?) у Београду, Подаци из архивске грађе Историјског архива Београда // *Наслеђе*. 2011. № 12. С. 169–196.

40 Новое время. 1923. 16 октября. С. 3. Василий Федорович Баумгартен разработал проекты Русского дома и Генштаба в Белграде. О В. Ф. Баумгартене см.: *Ђурђевић М.* Архитект Василиј (Вилхелм) Фјодорович Баумгартен // *Годишњак града Београда*. 2004. № 51. С. 183–190; *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду // *Наслеђе*. 2008. № 9. С. 211–220; *Кадичевић А.* Улога руских емиграната у београдској архитектури између два светска рата // *Годишњак града Београда*. 2002–2003. № 49–50. С. 137.

41 Новое время. 1923. 4 ноября. С. 3.

крытую массивной плитой, увенчанной крестом. К реализации жюри рекомендовало проект «Крест с буквами» — два варианта каменного креста на пьедестале. Автором победившего проекта являлся художник Иван Афанасьевич Рык⁴², второго — Виктор Иванович Рыбаков, доцент Института гражданских инженеров⁴³. Рекомендованный проект принадлежал архитектору Николаю Петровичу Краснову⁴⁴. Проект⁴⁵, получивший первую премию, представлял собой четырехугольный параллелепипед из серого рваного камня, украшенный древнерусским шлемом и мечом. На лицевой стороне памятника на мраморной доске была надпись: «Русскому Воину верные сыны России». Монумент украшал и «русский» восьмиконечный крест. Проект был представлен на утверждение правительству Королевства СХС⁴⁶. Однако еще до его утверждения, уже в декабре того же года, начались подготовительные работы к сооружению памятника⁴⁷.

К сожалению, до сих пор неизвестно, почему проект не был реализован. Также неизвестна и судьба поступивших пожертвований. К концу 1923 г. общая сумма денег составляла 10776 динаров, и в декабре того же года даже рассматривалась возможность создания памятника из черного полированного мрамора⁴⁸. Однако в 1926 г. в рапорте генералу от пехоты Егелову упоминалась сумма 2413 динаров⁴⁹. Известно, что инициаторы акции стремились путем установки

42 О Иване Афанасьевиче Рыке: *Kadijević A.* Рад архитекте Ивана Афанасјевича Рика у Југославији између два светска рата // Саопштења Републичког завода за заштиту споменика културе. 1998–1999. № 30–31. С. 233–237.

43 Новое время. 1923. 15 ноября. С. 3.

44 Новое время. 1923. 17 ноября. С. 3. О Н. П. Краснове: *Шкаламера Ж.* Архитекта Никола Краснов (1864–1939) // Свеске Друштва историчара уметности Србије. 1983. № 14. С. 109–129; *Kadijević A.* Прилог проучавању дела архитекте Николаја Краснова у Југославији (1922–1939) // Саопштења РЗЗСК. 1994. № 26. С. 190–191; *Kadijević A.* Рад Николаја Краснова у Министарству грађевина Краљевине СХС / Југославије у Београду од 1922. до 1939. // Годишњак града Београда. 1997. № 44. С. 221–254.

45 Премированный проект потом был представлен на русской выставке в Белграде, организованной в апреле 1924 г. Земским союзом. См.: Вестник правления Общества галлийполийцев. 1924. 27 апреля. С. 12.

46 Вестник Общества галлийполийцев. 1923. 31 декабря. С. 15.

47 Новое время. 1923. 11 декабря. С. 3.

48 Там же.

49 ГАРФ. Ф. 5843. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

памятника неизвестному русскому солдату на горе Авала недалеко от воздвигнутого там же памятника неизвестному сербскому герою⁵⁰ подчеркнуть роль солдат российской императорской армии как в Первой мировой войне, так и в помощи сербской армии.

Реализовать этот проект не удалось. Тем не менее идея увековечения памяти известных и неизвестных русских героев Великой войны сохранилась в среде русских в Югославии, и в середине 1930-х гг. ее осуществила одна русская эмигрантская организация.

«Русское народное ополчение» было правой организацией русских эмигрантов в Югославии. Она была создана Георгиевским кавалером, участником Первой мировой и Гражданской войн, полковником (позднее — генералом) Михаилом Федоровичем Скородумовым⁵¹ в апреле 1934 г.⁵² Организация стремилась к продолжению борьбы с большевиками («борьбы со злом во всех его разновидностях и вместе взятом, т. е. коммунизмом, до полного его истребления») и «возрождению обновленной великой царской России»⁵³. Ее девиз — «За веру, царя и отечество». Она имела и особый знак — он представлял собой белый ополченский крест, на лицевой стороне которого, в круглой розетке, было изображение двуглавого орла со скипетром и державой. На крыльях находилась надпись — «За веру, царя и отечество»⁵⁴.

Катализатором акции по увековечению памяти русских героев в Югославии стал тот факт, что в столице страны не было русского кладбища. До середины 1930-х гг. в Белграде были возведены или приведены в порядок кладбища всех стран — участниц войны — французское, итальянское, австрийское, венгерское, немецкое⁵⁵. В отличие от них, могилы русских были заброшены, забыты и разбросаны по всей стране. Во время войны некоторых хоронили без отпевания и церковных молитв, иногда даже без установления креста

50 Новое время. 1923. 11 декабря. С. 3.

51 *Никифоров К. В.* Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 37. В мае 1941 г. он был назначен начальником «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии», единой организации русских эмигрантов в Сербии (*Тимофеjev А.* Руси и Други светски рат... С. 34–37).

52 *Огороков А. В.* Знаки русской эмиграции (1920–1990). М., 2005. С. 66.

53 Царский вестник. 1934. 25 марта. С. 2; *Тимофеjev А.* Руси и Други светски рат... С. 36.

54 *Огороков А. В.* Знаки русской эмиграции... С. 67.

55 *Костић Б.* Ново гробље у Београду. Београд, 1999. С. 16.

на могиле покойного, причем где-то в селах или просто у дорог⁵⁶. По сведениям «Русского народного ополчения», на территории Королевства Югославия находились останки 10 000 убитых, умерших от ран и расстрелянных российских воинов. Из них при обороне Белграда в 1915 г. пали 106 русских, а также 30 неизвестных воинов, погребенных вместе с сербскими солдатами, — всего 136 офицеров и солдат. По этой причине «Русским народным ополчением» был поднят вопрос об установке памятника-усыпальницы русским солдатам.

Эта мемориальная акция, инициатором и реализатором которой был Михаил Федорович Скородумов⁵⁷, включала уточнение места захоронения российских военнослужащих на территории Югославии, эксгумацию и перевозку их останков в столицу Королевства, возведение памятника-усыпальницы в Белграде — ее целью было, можно сказать, объединение останков всех погибших на территории Югославии во время Первой мировой войны русских. И не только. Эта акция была нацелена и на подтверждение роли российской армии в Первой мировой войне. С этой точки зрения следует трактовать и выбор места для установления монумента.

В апреле 1934 г. городские власти г. Белграда — Община города Белграда — подарили «Русскому народному ополчению» землю на Новом кладбище напротив Иверской часовни⁵⁸, вблизи русских участков, на которых хоронили русских беженцев⁵⁹, и, что еще важнее, —

56 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 2.

57 *Маевский В. А.* Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 38; *Кадичевић А.* Београдски опус архитекте Романа Николајевића Верховскоја (1920–1941) // Наслеђе. 1999. № 2. С. 37.

58 Копия московской Иверской часовни была сооружена на белградском Новом кладбище в 1931 г. О Иверской часовне см.: *Маевский В. А.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград, 1932; *Тарацјев А.* Четири капеле Иверске божије мајке // Светигора. 1997. № 56–57. С. 46–49.

59 О русских участках на Новом кладбище см.: *Тарацјев В.* Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије: Српски Руси. Београд, 1994. С. 353–354; *Обреновић В.* Руси на Новом гробљу у Београду // Ново гробље у Београду. Отворено сведочанство историје — поводом 125 година од оснивања. Београд, 2011. С. 210; *Живанович М.* Смерть на чужбине: Сербия как последний приют русских беженцев // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. Международная научно-просветительская конференция. Москва, 26–28 октября 2017 года. М., 2017. С. 657–658.

недалеко от памятника защитникам Белграда⁶⁰ 1915 г.⁶¹ Таким образом была подчеркнута роль русской армии в Великой войне. Но получение этого участка не обошлось без трудностей. По словам секретаря сербского патриарха Варнавы Владислава Альбиновича Маевского, Михаил Федорович «с большим трудом получил от Белградского городского управления только двадцать квадратных метров. Но он рискнул и построил памятник, который занял больше ста, будучи уверен, что ни у кого не хватит храбрости этот памятник разрушить»⁶². О проблемах, связанных с выделением участка, свидетельствует и следующая формулировка: сербский патриарх Варнава дал свое «благословение на перевозку и погребение посмертных останков наших братьев русских, которые погибли и умерли во время Первой мировой войны, если наконец-то решили вопрос с землей, на которой будет сооружена братская могила»⁶³.

Работу по сооружению памятника-усыпальницы вело правление Ополчения в составе генерала М. Ф. Скородумова, полковника Николая Леонидовича Неелова, полковника Н. М. Матюшина, полковника Б. А. Степанковского (казначей), капитана Л. В. Новицкого (секретарь), при сотрудничестве редактора выходившей в Белграде русской эмигрантской газеты «Царский вестник: Орган народного движения за восстановление Престола православного царя-самодержца» (далее — «Царский вестник») Н. П. Рклицкого. Руководство всей работой по сооружению памятника принял на себя почетный председатель «Русского народного ополчения» Н. Богданович. Почетным председателем Комитета по сооружению памятника-усыпальницы являлся М. Богданович, заместитель председателя городского управления г. Белграда⁶⁴.

60 О памятнике защитникам Белграда: Споменици и гробља из ратова Србије 1912–1918. Београд, 1976. С. 176; *Костућ Б.* Ново гробље... С. 15; *Кадужијевић А.* Београдски опус... С. 35–37; *Обреновић В.* Српска меморијална архитектура 1918–1955: докторска дисертација. Београд, 2013. С. 264–271.

61 *Костућ Б.* Ново гробље... С. 16; *Ignjatović A.* Razlika u funkciji sličnosti: arhitektura ruskih emigranata u Srbiji između dva svetska rata i konstrukcija srpskog identiteta // *Tokovi istorije.* 2011. № 1. S. 72; Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 1.

62 *Маевский В. А.* Русские в Югославии... С. 40.

63 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 1.

64 Царский вестник. 1934. 15 июля. С. 3.

По словам членов Комитета по сооружению памятника, он являлся памятником не только лежавшим под его сводами останкам русских героев, но и всем 2 000 000 жертвам Великой войны во главе с государем императором Николаем II⁶⁵. Его название — «Усыпальница российских солдат, павших во время Великой войны на территории Югославии»⁶⁶. В призыве, опубликованном в июле 1934 г., Скородумов писал об «общем памятнике русскому солдату»⁶⁷, а два года спустя говорил о «русском склепе-памятнике», «памятнике погибшим русским офицерам и солдатам во время Великой войны»⁶⁸. В день открытия памятника в январе 1936 г. он назывался «памятником императору Николаю II и погибшим русским офицерам и солдатам во время Великой войны»⁶⁹. В начале 1937 г. в русской эмигрантской прессе писали, что памятник — это музей русской славы⁷⁰. В призыве «Русского народного ополчения», опубликованном в этом же году, упомянули «памятник-славу императорской России» (в 1960-е годы В. А. Маевский тоже писал о памятнике русской славы⁷¹)⁷². Члены той же организации считали его символом «скрытой борьбы с неприятелями России»⁷³.

Кроме места, весьма показательным был и эскиз усыпальницы. Проект памятника-усыпальницы разработал русский архитектор-скульптор Роман Николаевич Верховской, на тот момент уже известный в Югославии по сооружению памятника защитникам Белграда на Новом кладбище в 1931 г.⁷⁴

Первый вариант проекта памятника был представлен на обозрение как русской, так и югославской публики в июле 1934 г. Эскиз с пояснениями символики монумента был опубликован в газете «Царский вестник». Согласно приведенным в ней сведениям, он должен был

65 Царский вестник. 1935. 14 июля. С. 2.

66 *Межински Миловановић Ј.* Историјско-уметнички значај руског некропоља // Руски некропољ у Београду — знамење историјског пријатељства. Београд, 2014. С. 195.

67 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 2.

68 Царский вестник. 1936. 26 января. С. 1.

69 Време. 1936. 13 января. С. 5.

70 Царский вестник. 1937. 14 февраля. С. 4.

71 *Маевский В. А.* Русские в Югославии. С. 38.

72 Царский вестник. 1937. 7 ноября. С. 3.

73 Там же.

74 *Никифоров К. В.* Русский Белград. С. 37. О Верховском см.: *Кад-ијевић А.* Београдски опус... С. 37.

символизировать смерть, страдания, борьбу и воскресение России. Основа памятника — скала — символизировала Россию, «о которую разбились волны всех русских несчастий»⁷⁵. Вокруг скалы были изображены все этапы жизни России — внизу смерть, выше раненый воин, который упал на колено, но продолжил борьбу, защищая русское знамя с вековым девизом «За веру, царя и отечество». На вершине скалы был изображен ангел-воин, завершающий борьбу: одной рукой он разбивает мечом голову змеи, а в другой держит «символ грядущего русского царства и мира — двуглавого орла»⁷⁶. В этом варианте также предусматривалось вырезать в центральной части памятника слово «Россия»⁷⁷. Сама же идея принадлежала Скородумову⁷⁸.

Второй вариант памятника, и, следовательно, небольшие изменения в его символике, были представлены общественному мнению в мае 1935 г. — за несколько дней до торжественного открытия усыпальницы. Центральная часть памятника — это каменный массив высотой в 10 метров, увенчанный фигурой Архангела Михаила. Этот массив представлял собой усеченную пирамиду из трех мощных террас ассиро-египетского типа, окруженную широкими лестницами и имевшую на своей верхней платформе монументальную полуколонну. В основании массива находился глубокий портал, ведущий в подземную усыпальницу в стиле древних храмов. На колонне, изображавшей Россию, был высечен крест с государственным гербом «как символ ее страдания»⁷⁹. В основании колонны, по сведениям «Царского вестника», на фоне «вихря революции» был расположен «в энергичном движении» русский воин, «символизирующий борьбу и защиту русского знамени с государственным девизом»⁸⁰. Архангел, стоящий на земном полушарии, левой рукой разил мечом змею, лежащую у его ног. Согласно трактовке той же газеты, жестом правой руки посол неба умиротворяет землю, возвращая ей русскую державу в виде ширококрылого двухглавого государственного орла. В газете было написано: «Посол неба умиротворяет землю, возвращая ей русскую державу в виде ширококрылого двухглавого государственного орла». Пророческий облик Архангела представлял собой неумолимую

75 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 1.

76 Там же.

77 Там же.

78 Там же.

79 Там же. 1935. 19 мая. С. 1.

80 Там же.

суровость Провидения, проводившего свою волю на земле подвигом русского народа-богоносца»⁸¹. Два месяца спустя эта же газета писала о символической фигуре ангела, разящего большевистскую змею и символизирующего воскресение России⁸².

Памятник из серого камня сооружали в течение 15 месяцев⁸³. Усыпальница была торжественно открыта в конце мая 1935 г., памятник — несколько месяцев спустя, в январе 1936 г.⁸⁴

Высота памятника-усыпальницы — 19 метров, пять из которых — высота фигуры Архангела Михаила, венчавшей усыпальницу⁸⁵. По словам В. А. Маевского, памятник имел форму артиллерийского снаряда, наверху которого стоял большой ангел с поднятыми вверх крыльями⁸⁶. Архистратиг Михаил мечом в левой руке закалывал змею, а в правой руке держал разорванные цепи, символизирующие освобождение⁸⁷. У подножия того же снаряда / каменного массива полулежал на знамени, в шинели, фуражке и во всем снаряжении, русский офицер, замахнувшийся шашкой⁸⁸, как бы защищая знамя⁸⁹. В центр памятника были помещены российский государственный герб — двуглавый орел и дата — 1914 год. На левой стороне монумента было написано по-русски: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». На задней стороне была расположена надпись по-сербски: «Храбро павшим братьям-русским на Салоникском фронте. 1914–1918». В склепе были похоронены останки 387 солдат и офицеров, погибших на Салоникском фронте, 136 павших при обороне Белграда, четырех военнопленных, расстрелянных австрийцами в г. Горажде, двух моряков с корабля «Тирасполь», около 100 солдат, умерших от ран в госпиталях на территории Югославии⁹⁰.

81 Там же.

82 Там же. 1935. 14 июля. С. 2.

83 Там же. 1936. 19 января. С. 1.

84 *Костић Б.* Ново гробље... С. 16.

85 *Межински Миловановић Ј.* Историјско-уметнички значај... С. 200.

86 *Маевский В. А.* Русские в Югославии. С. 39; *Никифоров К. В.* Русский Белград. С. 37.

87 *Межински Миловановић Ј.* Историјско-уметнички значај... С. 200–201.

88 По сведениям выходившей в Брюсселе русской эмигрантской прессы, офицер, «хотя изнемогший», продолжал борьбу. См.: Возрождение. 1936. 19 января. С. 5.

89 *Маевский В. А.* Русские в Югославии. С. 39.

90 *Никифоров К. В.* Русский Белград. С. 37.

Акциями по увековечению памяти погибших и умерших во время Первой мировой войны на территории Сербии (и Австро-Венгрии) российских солдат в большинстве случаев руководили представители русской эмиграции в Королевстве СХС / Королевстве Югославия. Они являлись и инициаторами, и исполнителями этих мемориальных работ. Несмотря на скромные средства, им удалось построить несколько памятников в стране, а с помощью министерств — и большую усыпальницу в ее столице. Таким образом они сохранили память о своих соотечественниках.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Арсеньев А. Б. Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шретер // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. Сборник докладов международной научной конференции. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. С. 348–365.

Арсеньев А. Руси у Банату // Банат кроз векове. Слојеви култура Баната: [зборник радова]. Београд: Вукова задужбина, 2010. С. 663–712.

Арсеньев А. Руси у Бачкој // Бачка кроз векове: Слојеви културе Бачке: [зборник радова]. Београд: Вукова задужбина, 2014. С. 717–751.

Арсеньев А. Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад: Змај, 2011. 291 с.

Билимович А. Д. Русская матица. Люблина: Русской матицы, 1924. 14 с.

Болтаевский А. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 184 с.

Верны заветам старины: Воспоминания кадет Донского корпуса / ред. М. К. Бугураев. Madrid, 1974. 590 с.

Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. М.: РИСИ, 2016. 454 с.

Гурковский В. А. Российские кадетские корпуса за рубежом. М.: Издательство «Белый берег», 2009. 440 с.

Ђурђевић М. Архитект Василиј (Вилхелм) Фјодорович Баумгартен // Годишњак града Београда. 2004. № 51. С. 183–190.

Ђурђевић М. Прилог проучавању делатности архитектке Валерија Владимировича Сташевског у Београду // Годишњак града Београда. 1998–1999. № 45–46. С. 151–171.

Живанович М. Смерть на чужбине: Сербия как последний приют русских беженцев // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. Международная научно-просветительская конференция. Москва, 26–28 октября 2017 года. М., 2017. С. 657–658.

Живојиновић Д. Р. Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд: Завод за уџбенике, 2008. 349 с.

Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. 386 с.

Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006. 559 с.

Јовановић М. Руска православна загранична црква у Југославији током двадесетих и тридесетих година 20. века // Српска теологија у двадесетом веку — истраживачки проблеми и резултати: [зборник радова научног скупа]. Београд: Православни богословски факултет, 2008. С. 160–178.

Кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945. Нью-Йорк: Объединение кадет российских зарубежных кадетских корпусов, 1970. 502 с.

Кадидјевић А. Београдски опус архитекте Романа Николајевича Верховскоја (1920–1941) // Наслеђе. 1999. № 2. С. 33–40.

Кадидјевић А. Допринос руских неимара-емиграната српској архитектури између два светска рата // Руси без Русије. Српски Руси. Београд: Дунај; Беочин: Ефект, 1994. С. 243–254.

Кадидјевић А. Прилог проучавању дела архитекте Николаја Краснова у Југославији (1922–1939) // Саопштења. 1994. № 26. С. 181–192.

Кадидјевић А. Рад архитекте Ивана Афанасјевича Рика у Југославији између два светска рата // Саопштења Републичког завода за заштиту споменика културе. 1998–1999. № 30–31. С. 233–237.

Кадидјевић А. Рад Николаја Краснова у Министарству грађевина Краљевине СХС / Југославије у Београду од 1922. до 1939. // Годишњак града Београда. 1997. № 44. С. 221–254.

Кадидјевић А. Улога руских емиграната у београдској архитектури између два светска рата // Годишњак града Београда. 2002–2003. № 49–50. С. 131–142.

Костић Б. Ново гробље у Београду. Београд: Погребне услуге, 1999. 319 с.

Латинчић О. Валериј Владимирович Сташевски (1882–?) у Београду: Подаци из архивске грађе Историјског архива Београда // Наслеђе. 2011. № 12. С. 169–196.

Маевский В. А. Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград: Русская типография, 1932. 64 с.

Маевский В. А. Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк: Издание Исторического кружка, 1966. Т. 2. 361 с.

Межински Миловановић Ј. Историјско-уметнички значај руског некропоља // Руски некропољ у Београду — знамење историјског пријатељства. Београд: Фондација за обнављање, подршку и очување комплекса историјско-меморијалних споменика у Републици Србији «Руски некропољ»; Институт за политички и економски дијалог, 2014. С. 186–209.

Миленковић Т. Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд: Савез инжењера и техничара Србије, 1997. 217 с.

Никифоров К. В. Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33–44.

Обреновић В. Руси на Новом гробљу у Београду // Ново гробље у Београду. Отворено сведочанство историје — поводом 125 година од оснивања. Београд: ЈКП Погребне услуге, 2011. С. 210.

Обреновић В. Српска меморијална архитектура 1918–1955: докторска дисертација. Београд, 2013. 593 с.

Огороков А. В. Знаки русской эмиграции (1920–1990). М.: Collector's Book, 2005. 176 с.

Писарев Ю. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 109–138.

Познановић Р. Пругом преко Шаргана. Ужице: Р. В. Познановић, 2006. 206 с.

Поповић Н. Б. Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914–1918). Београд: Институт за савремену историју: Народна књига, 1977. 510 с.

Поповић Н. Б. Србија и царска Русија. Београд: Службени лист СРЈ, 1994. 327 с.

Просен М. 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе. 2008. № 9. С. 211–220.

Руска емиграција у српској култури XX века: [зборник радова]. Т. 1–2. Београд: Филолошки факултет, Катедра за славистику и Центар за научни рад, 1994. 314 с.

Русская матица (1924–1934): Отчет о деятельности. Люблина: Русская матица, 1935. 35 с.

Сенявская Е. С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 1. С. 64–83.

Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78.

Симонова Т. Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны // Журнал Московской патриархии. 2006. № 5. С. 72–89.

Споменици и гробља из ратова Србије 1912–1918. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1976. 195 с.

Тарасјев А. Четири капеле Иверске божије мајке // Светигора. 1997. № 56–57. С. 46–49.

Тарасјев В. Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије: Српски Руси. Београд: Дунај; Беочин: Ефект, 1994. С. 353–354.

Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији: 1941–1945. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011. 464 с.

Тимофејев А., Кремић Д. Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата: [зборник грађе]. Београд: Институт за новију историју Србије, 2014. 352 с.

Шевцова Г. И. Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917. Београд: Инфинитас, 2010. 249 с.

Шкаламера Ж. Архитекта Никола Краснов (1864–1939) // Свеске Друштва историчара уметности Србије. С. 1983. № 14. С. 109–129.

Cohen A. J. ‘Our Russian Passport’: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39 // Journal of Contemporary History. 2014. № 4. P. 627–651.

Ignjatović A. Od istorijskog sećanja do zamišljanja nacionalne tradicije: spomenik neznanom junaku na Avali (1934–1938) // Istorija i sećanje: Studije istorijske svesti. Београд: Институт за нову историју Србије, 2006. С. 229–252.

Ignjatović A. Razlika u funkciji sličnosti: arhitektura ruskih emigranata u Srbiji između dva svetska rata i konstrukcija srpskog identiteta // Tokovi istorije. 2011. № 1. С. 63–75.

Jovanović M. «Sveštenik i društvo: eto parole» — Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940 // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. С. 67–100.

Manojlović Pintar O. Ideološko i političko u spomeničkoj arhitekturi Prvog i Drugog svetskog rata na tlu Srbije: doktorska disertacija. Београд, 2005. 292 с.

Mihelič M. Ruski grob pri Triglavskih jezerih ter z njim povezani dogodki, razmišljanja in občutja // Vojni ujetniki carske Rusije v prvi svetovni vojni na slovenskem ozemlju. Ljubljana: Zavod za varstvo kulturne dediščine Slovenije, 2018. С. 57–100.

Mosse G. National Cemeteries and National Revival: The cult of the Fallen Soldiers in Germany // Journal of Contemporary History. 1979. № 1. P. 1–20.

Mosse G. Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford: Oxford University Press, 1990. 272 p.

Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 320 p.

References

Gosudarstvennyĭ arkhiv Rossijskoĭ Federatsii (Moscow).

Arsen'ev, A. B. "Peterburgskie arkhitektory Novi-Sada: K. P. Parizo de la Valett i Iu. N. Shreter." *Izobrazitel'noe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie Russkogo zarubezh'ia*, [sbornik dokladov mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii]. Saint Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2008, s. 348–365.

Arsenjev A. "Rusi u Banatu." *Banat kroz vekove. Slojevi kultura Banata: [zbornik radova]*. Beograd: Vukova zadužbina, 2010, s. 663–712.

Arsenjev A. "Rusi u Bačkoj." *Bačka kroz vekove: Slojevi kulture Bačke: [zbornik radova]*. Beograd: Vukova zadužbina, 2014, s. 717–751.

Arsenjev A. *Samovari u ravnici. Ruska emigracija u Vojvodini*. Novi Sad: Zmaj, 2011. 291 s.

Bilimovich, A. D. *Russkaia matitsa*, Ljubljana: Russkoj matitsy 1924, 14 s.

Boltaevskiĭ, A. A. *Russkie voĭska na Salonikskom fronte v 1916–1918 gg.: dis. ... kand. ist. nauk*. Moscow, 2009, 184 s.

Cohen, A. J. "'Our Russian Passport': First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39." *Journal of Contemporary History*, no. 4, 2014, p. 627–651.

Đurđević, M. "Arhitekt Vasilij (Vilhelm) Fjodorovič Baumgarten." *Godišnjak grada Beograda*, no. 51, 2004, s. 183–190.

Đurđević, M. "Prilog proučavanju delatnosti arhitekte Valerija Vladimiroviča Staševskog u Beogradu." *Godišnjak grada Beograda*, no. 45–46, 1998–1999, s. 151–171.

Gurkovskiĭ, V. A. *Rossijskie kadetskie korpusa za rubezhom*, Moscow: Izdatel'stvo "Belyĭ bereg", 2009, 440 s.

Ignatović, A. "Od istorijskog sećanja do zamišljanja nacionalne tradicije: spomenik neznanom junaku na Avali (1934–1938)." *Istorija i sećanje: Studije istorijske svesti*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2006, s. 229–252.

Ignatović, A. "Razlika u funkciji sličnosti: arhitektura ruskih emigranata u Srbiji između dva svetska rata i konstrukcija srpskog identiteta." *Tokovi istorije*. 2011, № 1, s. 63–75.

Jovanović, M. *Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919–1924*. Beograd: Stubovi kulture, 1996, 386 s.

Jovanović, M. *Ruska emigracija na Balkanu (1920–1940)*. Beograd: Čigoja štampa, 2006, 559 s.

Jovanović, M. "Ruska pravoslavna zagračna crkva u Jugoslaviji tokom dvadesetih i tridesetih godina 20. veka." *Srpska teologija u dvadesetom veku – istraživački problemi i rezultati: zbornik radova naučnog skupa*. Beograd: Pravoslavni bogoslovski fakultet, 2008, s. 160–178.

Jovanović, M. “‘Sveštenik i društvo: eto parole’ – Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940.” *Tokovi istorije*, no. 3–4, 2005, s. 67–100.

Kadetskie korpusa za rubezhom: 1920–1945, New York: Ob'edinenie kadet rossiiskikh zarubezhnykh kadetskih korpusov, 1970, 502 s.

Kadijević, A. “Doprinos ruskih neimara-emigranata srpskoj arhitekturi između dva svetska rata.” *Rusi bez Rusije. Srpski Rusi*. Beograd: Dunaj; Beočin: Efekt, 1994, s. 243–254.

Kadijević, A. “Prilog proučavanju dela arhitekta Nikolaja Krasnova u Jugoslaviji (1922–1939).” *Saopštenja Republičkog zavoda za zaštitu spomenika*, no. 26, 1994, s. 181–192.

Kadijević, A. “Rad arhitekta Ivana Afanasjeviča Rika u Jugoslaviji između dva svetska rata.” *Saopštenja Republičkog zavoda za zaštitu spomenika*, no. 30–31, 1998–1999, s. 233–237.

Kadijević, A. “Rad Nikolaja Krasnova u Ministarstvu građevina Kraljevine SHS/ Jugoslavije u Beogradu od 1922. do 1939.” *Godišnjak grada Beograda*, no. 44, 1997, s. 221–254.

Kadijević, A. “Uloga ruskih emigranata u beogradskoj arhitekturi između dva svetska rata.” *Godišnjak grada Beograda*, no. 49–50, 2002–2003, s. 131–142.

Kostić, B. *Novo groblje u Beogradu*. Beograd: Pogrebne usluge, 1999, 319 s.

Latinčić, O. “Valerij Vladimirovič Staševski (1882–?) u Beogradu, Podaci iz arhivske građe Istorijskog arhiva Beograda.” *Nasleđe*, no. 12, 2011, s. 169–196.

Maevskiĭ, V. A. *Iverskaia Bogomater' na Afone, v Moskve i v Belgrade*. Belgrade: Russkaia Tipografia, 1932, 64 s.

Maevskiĭ, V. A. *Russkie v Jugoslavii: Vzaimootnosheniia Rossii i Serbii, t. 2*. New York: Izdanie Istoricheskogo kruzhka, 1966, 361 s.

Manojlović Pintar, O. *Ideološko i političko u spomeničkoj arhitekturi Prvog i Drugog svetskog rata na tlu Srbije: doktorska disertacija*. Beograd, 2005, 292 s.

Mežinski Milovanović J. Istorijsko-umetnički značaj ruskog nekropolja. “*Ruski nekropolj u Beogradu – znamenje istorijskog prijateljstva*”, Beograd: Fondacija za obnavljanje, podršku i očuvanje kompleksa istorijsko-memorijalnih spomenika u Republici Srbiji “Ruski nekropolj”; Institut za politički i ekonomski dijalog, 2014, s. 186–209.

Mihelič, M. “Ruski grob pri Triglavskih jezerih ter z njim povezani dogodki, razmišljanja in občutja.” *Vojni ujetniki carske Rusije v prvi svetovni vojni na slovenskem ozemlju*. Ljubljana: Zavod za varstvo kulturne dediščine Slovenije, 2018, s. 57–100.

Milenković, T. *Ruski inženjeri u Jugoslaviji 1919–1941*. Beograd: Savez inženjera i tehničara Srbije, 1997, 217 s.

Mosse, G. *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford: Oxford University Press, 1990, 272 p.

Mosse, G. “National Cemeteries and National Revival: The cult of the Fallen Soldiers in Germany.” *Journal of Contemporary History*, no. 1, 1979, p. 1–20.

Nikiforov, K. V. "Russkiĭ Belgrad (k voprosu o deiatel'nosti russkikh arkhitekto-rov-ëmigrantov)." *Slavianovedenie*, no. 4, 1992, s. 33–44.

Obrenović V. "Rusi na Novom groblju u Beogradu." *Novo groblje u Beogradu. Otvoreno svedoĉanstvo istorije – povodom 125 godina od osnivanja*. Belgrade: JKP Pogrebne usluge, 2011, s. 210.

Obrenović V. *Srpska memorijalna arhitektura 1918–1955: doktorska disertacija*. Beograd, 2013, 593 s.

Okorokov, A. V. *Znaki ruskoĭ ëmigratsii (1920–1990)*, Moscow: Collector's Book, 2005, 176 s.

Pisarev, Iu. A. "Russkie vojska na Salonikskom fronte v 1916–1918 gg." *Istoricheskie zapiski*, vol. 79, 1966, s. 109–138.

Popović, N. B. *Odnosi Srbije i Rusije u Prvom svetskom ratu (1914–1918)*, Beograd: Institut za savremenu istoriju: Narodna knjiga, 1977, 510 s.

Popović, N. B. *Srbija i carska Rusija*, Beograd: Službeni list SRJ, 1994, 327 s.

Poznanović, R. *Prugom preko Šargana*. Užice: R. V. Poznanović, 2006, 206 s.

Prosen, M. "75 godina Ruskog doma u Beogradu." *Nasleđe*, no. 9, 2008, s. 211–220. *Ruska emigracija u srpskoj kulturi XX veka. Zbornik radova*, t. 1–2, Beograd: Filološki fakultet, Katedra za slavistiku i Centar za naučni rad, 1994, 314 s.

Russkaia matitsa (1924–1934): Otchet o deiatel'nosti. Ljubljana: Russkaia matitsa, 1935, 35 s.

Seniavskaia, E. S. "Polozhenie russkikh voennoplennykh v gody Pervoĭ mirovoĭ voĭny: ocherk povsednevnoĭ real'nosti." *Vestnik Rossiĭskogo universiteta družby narodov*, no. 1, 2013, s. 64–83.

Sergeev, E. Iu. "Russkie voennoplennye v Germanii i Avstro-Vengrii v gody Pervoĭ mirovoĭ voĭny." *Novaia i novejšaia istoriia*, no. 4, 1996, s. 65–78.

Simonova, T. "Russkie v germanskom i avstrijskom plenu v period Pervoĭ mirovoĭ voĭny." *Zhurnal Moskovskoĭ patriarkhii*, no. 5, 2006, s. 72–89.

Spomenici i groblja iz ratova Srbije 1912–1918, Beograd: Beogradski izdavaĉko-grafiĉki zavod, 1976, 195 s.

Ševtsova, G. I. *Ruska dobrotvorna pomoć Srbiji u ratovima 1912–1917*, Beograd: Infinitas, 2010, 249 s.

Škalamera, Ž. "Arhitekta Nikola Krasnov (1864–1939)." *Sveske Društva istoričara umetnosti Srbije*, no. 14, 1983, s. 109–129.

Tarasjev, A. "Ĉetiri kapele Iverske božije majke." *Svetigora*, no. 56–57, 1997, s. 46–49.

Tarasjev, V. "Ĉuvati sećanje o onima koji su otišli." *Rusi bez Rusije, Srpski Rusi*. Beograd: Dunaj; Beočin: Efekt, 1994, s. 353–354.

Timofejev, A., Kremić, D. *Ruska vojna pomoć Srbiji za vreme Prvog svetskog rata: [zbornik građe]*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2014, 352 s.

Timofejev, A. *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: Uticaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941–1945*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011, 464 s.

Verny zavetam stariny: Vospominaniia kadet Donskogo korpusa, red. M. K. Buguraev. Madrid, 1974, 590 s.

Vishniakov, Ia. V., Timofeev, A. Iu., Miloradovich, G. *Bitva dvuglavykh orlov. Oчерki po istorii rusko-serbskikh otnoshenii v gody Pervoї mirovoї voїny*. Moscow: RISI, 2016, 454 s.

Winter, J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 320 p.

Živanović, M. "Smert' na chuzhbine: Serbiia kak poslednii priiut russkikh bezhentshev." *1917 god v istorii i sud'be rossiiskogo zarubezh'ia. Mezhdunarodnaia nauchno-prosvetitel'skaia konferentsia, Moskva, 26–28 oktiabria 2017 goda*, Moscow, 2017, s. 657–658.

Živojinović, D. R. *Nevoljni ratnici, velike sile i Solunski front 1914–1918*. Beograd: Zavod za udžbenike, 2008, 349 s.

Milana Živanović

Institute for the Recent History of Serbia (Belgrade, Serbia)

The designs of the Russian war memorials from the World War I
in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia:
Ideas, symbols, realization

The paper deals with the actions undertaken by the Russian emigration aimed to commemorate the Russian soldiers who have been killed or died during the World War I in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia. The focus is on the erection of the memorials dedicated to the Russian soldiers. During the World War I the Russian soldiers and war prisoners were buried on the military plots in the local cemeteries or on the locations of their death. However, over the years the conditions of their graves have declined. That fact along with the will to honorably mark the locations of their burial places have become a catalyst for the actions undertaken by the Russian émigré, which have begun to arrive in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Kingdom of SCS) starting from the 1919. Almost at once after their arrival to the Kingdom of SCS, the Russian refugees conducted the actions aimed at improving the conditions of the graves were in and at erecting memorials. Russian architects designed the monuments. As a result, several monuments were erected in the country, including one in the capital.

Keywords: *monument, memorial, design, Russian emigration, monument of the Russian Glory, Kingdom of SCS, Kingdom of Yugoslavia.*